

Наталья КОЛЕСОВА

Джон Ноймайер - художественный руководитель труппы «Гамбургский балет» - хореограф, чье имя входит в пятерку первых балетмейстеров мира. Московские зрители в разное время видели его спектакли «Сон в летнюю ночь» Ф. Мендельсона, «Пер Гюнт» А. Шнитке, балеты на симфоническую музыку Г. Малера. Последний приезд Джона Ноймайера в Москву был связан с его работой председателя жюри конкурса «Приз де Лозанн», во время которого он ответил на вопросы нашего корреспондента.

- Почему вы согласились исполнить роль председателя жюри московского конкурса «Приз де Лозанн»?

- Потому что я нахожу этот конкурс очень особенным, поскольку его задача - не решать, кто лучший, не выбирать, кто «звезда», «этуаль», золотой призёр. Здесь

знакомы с балетной молодежью, оценивают уровень образования. Мы воспринимаем участников не как законченных танцовщиков, а скорее с точки зрения их потенциала стать в будущем настоящими артистами. Я верю, каждый найдет свое место в танце.

- Что вы вкладываете в понятие «танец»?

- Это огромный вопрос. Я по-настоящему люблю искусство танца, так как считаю его наиболее человечным. Тело является инструментом и предметом искусства танца. Но индивидуальность все же оказывается важнее тела. С помощью танца мы можем выразить не только эмоции и опыт человечества, но и его духовную глубину. Тело дано не для того, чтобы демонстрировать голую виртуозность, как в большом спорте, например. Для танца, живущего образами, это конец. Он - глубокое и великое искусство.

- Каковы ваши взаимоотношения с классическим балетом?

- Я из тех, кто любит классические традиции. Классический тренинг, заставляющий тело быть хорошим инструментом, внятно и

ГОСТЬ «ВЕХ» Индивидуальность важнее тела

Рос. вести. - 1995. - 2 марта. - с. 6

чисто исполняющим ноты, выражающим эмоции, остается лучшим.

- На конкурсе «Майя-94» в Петербурге ваш номер «Кармен» победил всех остальных Кармен специального тура. Как вы ощущали себя в соседстве со столь разными интерпретациями одного сюжета?

- Я не так уж хорошо знаком с «традицией Кармен». Просто танцовщица Анна Поликарпова попросила меня помочь. Раньше я никогда не задавался загадкой «Кармен». И для меня было чрезвычайно интересно увидеть работы других хореографов на ту же тему. Будучи страстным любителем танцевального искусства, я обычно так погружаюсь в работу, что мне редко удается много видеть. Поэтому познакомиться с работами коллег на подобном конкурсе было действительно любопытно.

- Вы часто работаете с русскими танцовщиками?

- Для меня странно задумываться над национальностью танцовщика, об этом как-то не вспоминаешь, когда видишь танец. В нашей труппе несколько русских танцовщиков, по составу же она интернациональна.

- Если бы вам предложили поставить спектакль в русской труппе, каким бы он был?

- Я бы, возможно, поставил балет-симфонию. Он был бы музыкален, поэтичен, не выразим словами. В симфонизме заключено больше свободы, защищающей от необходимости рассказывать историю Ромео и Джульетты с бытовыми подробностями.

- Во что вы верите в своем творчестве?

- Я верю в позитивную силу любви, ненасилие, я противник агрессии. Я верю в необходимость прощения, понимание, сострадание.

- Как вы относитесь к поэзии?

- Это наиболее важная для меня сфера. Мне нравится делать драматические балеты. Их форма не определяется как «романная», она поэтична. Энергия визуальных образов предполагает, что тела танцовщиков не призваны доносить конкретную информацию. Задача художника - творить образы, которые затрагивают наши чувства, заставляют любить. Новости CNN за 10 минут обрушивают на нас больше ужасной информации, чем мы можем принять. Искусство должно открывать другие миры. Я не верю, что человечество изменяется к лучшему после талантливого спектакля, но я думаю, какое-то зерно зароняется в умы, души или чувства людей.

- Каковы ваши отношения с актерами: вы деспотичный или не-

жный?

- Я работаю, импровизирую. Поэтому стараюсь быть очень открытым, сохранять юмор и создавать атмосферу репетиций. Конечно, к концу мне приходится быть диктатором: в выборе исполнителей, в изменениях. Вопрос об обаянии уже не стоит: оно отступает перед долгом хореографа.

- Вы работали с Альфредом Шнитке над балетом «Пер Гюнт», использовали музыку его «Concerto Grosso» в «Отелло», в спектаклях «Трамвай Желание» и «Медея». Как вы относитесь к этому композитору?

- После того как я прослушал много музыки Шнитке, я почувствовал, что у нас близкие взгляды на жизнь. Альфред - удивительный человек, очень серьезный и одновременно с хорошим чувством юмора. Поразительно, мы не так уж много разговаривали, но очень хорошо понимали друг друга.

- Какого рода музыку вы любите?

- Чаще всего я использовал музыку Густава Малера, его симфонии. Мне нравятся Бах, Шнитке, Аво Парт.

- Что или кто помогает вам в творчестве?

- Только я сам, мне не на кого больше полагаться.

Ноймайер Джон

2.03.95